

Анна Константиновна Черткова
Как я стала вегетарианкой

Изд: "Вегетарианское обозрение", N 1, Киев, 1913 г.

Оригинал: Центр защиты прав животных "Вита" <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/veg-viewing1913/10.htm>

Как я стала вегетарианкой

Ответ на вопрос редакции "Вегетарианского обозрения"

О вегетарианстве впервые услышала я от Владимира Григорьевича Черткова в 1885 году, раньше, чем вышла за него замуж. Он уже и тогда был вегетарианцем, однако, не строгим, и нередко отступал от вегетарианской диеты, в особенности в чужих домах. С тех пор, как я вышла за него замуж (осенью 1886 г.), мне пришлось много читать о вегетарианстве и участвовать в издании переводных сочинений на тему о вегетарианстве, более или менее научных или популярных, при издательстве "Посредник" (как известно, основанном В. Г. Чертковым в начале 1885 года), в котором я работала с самого начала вместе с П. И. Бирюковым. Тогда же переводилась и печаталась "Этика пищи" (под редакцией В. Г. Черткова) и предисловие к ней Л. Н. Толстого "Первая Ступень" [*].

В принципе вполне сознавая греховность убийства, я уже сочувствовала вегетарианству в течение нескольких лет, но не решалась отказаться от употребления мяса, запугиваемая докторами и моими семейными (всеми, кроме В. Г.), боявшимися за мое здоровье. И действительно, с шестнадцатилетнего возраста (после брюшного тифа), страдая хроническим желудочно-кишечным катарром и по временам сильно истощенная скудной диетой (состоявшей большей частью из одного бульона или жидкого супа и какого-нибудь кусочка мяса), я воображала, что если я брошу есть мясо, то непременно должна буду умереть с голода, и мне казалось, что это было бы равносильным самоубийству.

Когда у нас родился первый ребенок (в конце 1887 г.), то мы без колебаний решили воспитывать нашу дочь на вегетарианской диете. С тех пор Владимир Григорьевич сделался строгим вегетарианцем, почти никогда не употребляя в пищу даже яиц. Ему очень хотелось, чтобы и я последовала его примеру, так как он вполне основательно находил, что мы обязаны быть перед нашим ребенком добросовестными и последовательными в том, чему хотели научить его. Конечно, и я понимала, что пример важнее слов и что никакие добрые наставления не помогут, если мы сами на глазах детей будем нарушать то, во что хотели бы, чтобы дети наши уверовали. И потому, не желая соблазнять свою девочку дурным примером, я старалась устроить так, чтобы не обедать в ее присутствии, чтобы избежать ее вопросов и просьб "попробовать" то, что я ем. Мне до сих пор мучительно вспоминать один маленький случай, ясно сохранившийся в моей памяти (который я тогда же записала в свой дневник). Девочке моей тогда было всего полтора года. Она была очень шустрым и понятливым ребенком и очень рано стала говорить и бегать, а на вид ей смело можно было дать три года.

Однажды Олюся вернулась с прогулки с своей няней в то время, как я не успела закончить свой обед. На тарелке у меня лежали кусочки жареного цыпленка. В то время, как няня пошла на кухню за обедом для девочки, Люся, очевидно, сильно проголодавшаяся, вертелась около меня и выпрашивала чего-нибудь поесть. Я думала, что она удовлетворится корочкой хлеба, но Люся, быстро съев ее, стала, приподымаясь на цыпочки, заглядывать мне в тарелку, и упорно допрашивала: "тё мама кусит?" (Что мама кушает).

Не желая ей лгать и, вместе с тем, боясь сказать голую правду, которая привела бы ее в ужас (у нее были своя курочка с цыплятами, которых она очень любила и сама кормила), я ответила ей уклончиво: "это -- мясо". Я знала, что она не поймет, что такое мясо, так как при ней никогда никто не упоминал, что люди едят животных. Но девочка не удовлетворилась этим.

-- Мя-са, мя-са? -- повторяла она новое слово и потом вдруг: "дай Люле поплёбить" (попробовать).

Я стала мягко уговаривать ее, чтобы она не просила, что ей нельзя этого пробовать, что "Олюсе нехорошо есть мясо", но она продолжала приставать: "дай, дай". И внезапно, протянув ручонку, схватила лежавшую на краюшке тарелки отрезанную ножку цыпленка и быстро отбежала от стола в дальний угол